

Должник оплачивал поставки нефти за месяц до банкротства. Юристы добились иммунитета для платежей

Суды часто определяют «непосредственность» встречного предоставления через его совершение исключительно в тот же день, когда был заключен договор, и аннулируют сделки. В деле № А38-4254/2019 о банкротстве завода удалось добиться широкого толкования п. 3 ст. 61.4 Закона о банкротстве.

Николай Покрышкин,
партнер юридической
фирмы «Кульков,
Колотилов и партнеры»

Мария Ушакова,
помощник юриста юриди-
ческой фирмы «Кульков,
Колотилов и партнеры»

Апелляция поддержала нашу позицию и отказалась признать недействительными платежи ООО «Марийский нефтеперерабатывающий завод» (должник) за поставки нефти на сумму 5,4 млрд руб. в пользу нашего клиента — иностранной нефтяной компании.

Суды двух инстанций применили редкое для судебной практики толкование п. 3 ст. 61.4 Закона о банкротстве. Они согласились, что для применения иммунитета от оспаривания совершение платежей «непосредственно после» заключения договора не обязательно означает их прове-

дение в тот же день: они могут быть совершены в ближайший к дате заключения договора день, в который такое исполнение, с учетом содержания договора, могло быть осуществлено.

Фабула дела

31 мая 2019 года суд принял к производству заявление о банкротстве должника. Незадолго до этого, а также после принятия заявления наш клиент поставлял должнику нефть в объеме, необходимом для загрузки мощности завода по переработке нефти.

В рамках дела о банкротстве конкурсный управляющий обратился в суд с заявлением о признании недействительными платежей должника за поставки нефти в пользу клиента на общую сумму 5,4 млрд руб.

Управляющий считал, что клиенту было предоставлено необоснованное преимущество перед иными кредиторами, так как платежи были совершены в течение месяца до принятия заявления о банкротстве должника, а также после его принятия (п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве).

Позиция управляющего

Управляющий возражал против применения п. 3 ст. 61.4 Закона о банкротстве к оспариваемым платежам. Его позиция была основана на классическом узком понимании «непосредственности», широко распространенном в судебной практике.

По мнению управляющего, для применения п. 3 ст. 61.4 Закона о банкротстве необходимо, чтобы встречное исполнение в пользу должника было одномоментным, то есть между заключением договора и встречным исполнением должен отсутствовать даже минимальный временной промежуток.

Аналогичной позиции придерживаются и кассационные суды различных округов (постановления АС Волго-Вятского округа от 12.03.2020 по делу № А31-12253/2017, АС Московского округа от 23.06.2021 по делу № А40-69663/2017, АС Уральского округа от 11.02.2021 по делу № А47-10577/2018).

В споре с клиентом, по мнению управляющего, применение п. 3 ст. 61.4 Закона о банкротстве было исключено, так как отсутствовал критерий одномоментности. Временные промежутки между заключением договора и встречными поставками нефти составляли от 1 до 34 дней, что якобы не является встречным предоставлением «непосредственно после» заключения договора.

Позиция нефтяной компании

Команда «Кульков, Колотилов и партнеры» представляла интересы нефтяной компании. Мы считали, что спорные платежи нельзя признавать недействительными по мотиву преференциальности, так как они были совершены на условиях встречного предоставления непосредственно после заключения договора (п. 3 ст. 61.4 Закона о банкротстве).

Для победы нужно было добиться расширительного толкования этой нормы закона. Суды склонны следовать узкому толкованию, изложенному еще в п. 15 постановления Пленума ВАС от 23.12.2010 № 63: «Пункт 3 статьи 61.4 Закона о банкротстве распространяется на сделки по исполнению обязательств, которые были совершены непосредственно после заключения договора (в частности, на сделки розничной купли-продажи)».

Очевидно, что ВАС лишь привел наиболее очевидный пример непосредственно встречного предоставления, но не установил универсальных критериев, которые бы учитывали особенности заключения и исполнения отдельных видов договоров. ВАС обозначил «сердцевину» явления (случай совпадения дат договора и исполнения, как при розничной купле-продаже), но не очертил его внешнюю границу (на сколько и при каких условиях дата исполнения может отклоняться от даты договора). Как следствие, нижестоящие суды стали повально ограничивать применение п. 3 ст. 61.4 Закона о банкротстве только узким случаем очевидного примера, прямо упомянутого ВАС, — при совпадении дат.

Мы настаивали на широком толковании «непосредственности», в соответствии с которым иммунитет может быть применен не только в том случае, когда встречное исполнение произошло в тот же день, что и заключение договора, но и при более

продолжительном промежутке времени между этими событиями, если того требует специфика договора.

По нашему мнению, для применения п. 3 ст. 61.4 Закона о банкротстве требуется, чтобы встречное исполнение в пользу должника состоялось в момент заключения договора либо в ближайшую к заключению договора дату, в которую такое исполнение объективно могло быть осуществлено.

Некоторые суды поддерживают такой подход и соглашаются оценивать, в какой минимальный срок объективно могло быть осуществлено исполнение обязательства.

Например, в одном деле суд указал, что «равноценное встречное исполнение обязательства может рассматриваться как полученное должником непосредственно после заключения договора в том случае, если оно состоялось в момент заключения договора либо в ближайший к дате заключения договора день, в который такое исполнение, с учетом его содержания, в действительности могло быть осуществлено» (постановление АС Центрального округа от 25.12.2018 по делу № А64-4045/16).

Аналогичная позиция встречается в других судебных актах (постановления АС Западно-Сибирского округа от 12.03.2018 по делу № А27-584/2015, 7 ААС от 04.07.2018 по делу № А67-3038/2014, 1ААС от 06.06.2022 по делу № А38-4254/2019).

Чтобы обосновать свою позицию, мы привели аргумент о том, что поставки нефти осуществлялись в минимально возможный срок с учетом содержания договоров поставки. Оспариваемые платежи совершались во исполнение договоров поставки нефти, которые клиент заключал с должником ежемесячно. Временной интервал между заключением каждого из договоров и отдельными поставками во исполнение договора был неизбежен в силу ряда объективных технических ограничений.

Скорость перекачки нефти на территорию должника ограничена предельными мощностями трубопровода. Нефтепровод имеет предельную мощность перекачки нефти, равную 3945,20 т в день. Следовательно, нефть не могла быть поставлена должнику быстрее, чем ее способен транспортировать нефтепровод-монополист.

Установки по переработке нефти на территории должника имеют предельную мощность, равную 3835,60 т в день. Должник не нуждался в больших объемах нефти, чем способны переработать его технические установки. У должника нет технической возможности единоразово слить в свои резервуары весь объем поставляемой ответчиком нефти, так как объем нефти, поставляемый в рамках одного договора, превышает объемы резервуаров должника.

Мы доказывали, что клиент поставлял нефть по спорным договорам в минимально возможные сроки с учетом предельных сроков перекачки нефти ПАО «Транснефть» и переработки нефти самим должником. Это является «непосредственным» встречным предоставлением по смыслу п. 3 ст. 61.4 Закона о банкротстве и исключает оспаривание платежей по мотиву предпочтения.

Позиция судов

АС Республики Марий Эл поддержал нашу позицию и сделал вывод о том, что платежи были совершены непосредственно после заключения договора на условиях равноценного встречного предоставления, а потому не могут быть оспорены на основании п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве (определение АС Республики Марий Эл от 30.11.2021 по делу № А38-4254/2019). 1ААС также согласился с выводами суда, оставив определение без изменения.

Суды исходили из предложенного нами широкого толкования п. 3 ст. 61.4 Закона

о банкротстве, согласившись с тем, что «непосредственность» не может быть истолкована как осуществление встречного предоставления в тот же день.

АС Республики Марий Эл поддержал аргументы о том, что поставки нефти происходили по истечении минимально возможного временного промежутка между заключением договора и встречным предоставлением с учетом объективных технических ограничений: «...сырая нефть поставлялась в пользу должника в течение минимально необходимого периода времени с учетом технических ограничений, связанных с транспортировкой крупных объемов нефти посредством нефтепровода Сургут — Полоцк, а также исходя из предельных технических возможностей самого должника по сливу и переработке поставленной нефти».

Выводы и практические рекомендации

Несмотря на широко распространенный в судебной практике подход к определению «непосредственности» встречного предоставления через его совершение исключительно в тот же день, когда был заключен договор, такое толкование не учитывает особенностей исполнения отдельных видов договоров.

Совершение исполнения в тот же день является лишь частным случаем «непосредственного встречного исполнения» по смыслу п. 3 ст. 61.4 Закона о банкротстве. Для выявления общих критериев суды должны устанавливать минимальный срок, в который такое исполнение, с учетом содержания договора, в действительности могло быть осуществлено.

При исследовании содержания договора суды могут учитывать различные факторы, обуславливающие срок его исполнения. В споре с нашим клиентом та-

кими особенностями являлись предельные мощности трубопровода и нефтеперерабатывающих установок. Аналогично в другом деле суд исходил из особенностей производства железнодорожных вагонов с учетом сложности их конструкции (постановление АС Западно-Сибирского округа от 12.03.2018 по делу № А27-584/2015). Также представляются возможными ссылки на иные, помимо технических ограничений, обстоятельства: совершение необходимых приготовлений к исполнению обязательства, таможенные ограничения, продлевающие его исполнение, и др.

На практике доказывать соответствие срока встречного исполнения минимально возможному можно разными способами. В нашем споре мы использовали как сведения из публичных источников (данные с официального сайта должника о мощностях нефтеперерабатывающих установок, приказ Минэнерго об утверждении схемы грузопотоков нефти, а также документация, регламентирующая требования к предельной пропускной способности нефтепровода ПАО «Транснефть»), так и иные доказательства (аудиторское заключение, содержащее информацию о производственных мощностях должника).

Но даже если публично доступные сведения не позволяют продемонстрировать, что договор исполнялся в минимально возможный срок, это не повод отказываться от аргумента о применении расширенного понимания п. 3 ст. 61.4 Закона о банкротстве. В таком случае можно установить технические особенности исполнения договора при помощи экспертизы, в рамках которой эксперт определит объективные технические характеристики объектов, в том числе путем их осмотра. В нашем споре необходимость в такой экспертизе отсутствовала, так как собранных доказательств оказалось достаточно, чтобы убедить суд ●